ЭТО НЕЯ

1 18+

Денис Гайсин

ЭТО НЕ Я

«Автор»
2026

Гайсин Д.

ЭТО НЕ Я / Д. Гайсин — «Автор», 2026

ЭТО НЕ ЯИногда одиночество становится настолько невыносимым, что человек готов ухватиться за любую возможность почувствовать себя нужным.Михаил Серов давно привык жить воспоминаниями, прятать боль за привычными делами и делать вид, что всё в порядке. Но однажды в его жизни появляются люди, с которыми снова хочется смеяться, разговаривать и строить планы. Постепенно они становятся для него чем-то большим, чем просто знакомые.Кажется, жизнь наконец начинает меняться. Однако за обычными встречами, дружескими разговорами и беззаботными вечерами постепенно проступает нечто тревожное.Прошлое не отпускает. Ошибки имеют последствия. А некоторые вещи оказываются совсем не такими, какими кажутся на первый взгляд.«ЭТО НЕ Я» — психологический триллер о потере, одиночестве, чувстве вины и тонкой границе между реальностью и тем, во что человеку хочется верить.

© Гайсин Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Человек, который остался 6
Глава 1. Запах, которого больше нет 6
Глава 2. Свободное место 9
Глава 3. Ещё один кофе 13
Глава 4. Обычный день 16
Глава 5. То, что осталось 19
Глава 6. Человек, который слушает 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

ЭТО НЕ Я

ЭТО НЕ Я
роман

Часть I. Человек, который остался

Глава 1. Запах, которого больше нет

Духи Лизы пахли корицей и чем-то ещё — то ли ванилью, то ли старой бумагой. За полтора года квартира выветрилась, но шарф на крючке в прихожей всё ещё пах ею.

Михаил снимал его каждое утро, подносил к лицу и несколько секунд стоял с закрытыми глазами. Потом вешал обратно. Он не называл это ритуалом. Просто так получалось.

В то утро он проснулся в шесть, за минуту до будильника. За окном было темно. На потолке дрожал свет от фонаря. Михаил лежал на своей стороне кровати, на спине, с открытыми глазами. Её сторона была ровной. Подушка лежала нетронутая. Он старался на неё не смотреть, но всё равно смотрел.

Будильник зазвонил. Он выключил его и сел. В квартире было холодно. Батарея щёлкала, но не грела. Он надел носки, которые вчера оставил у кровати, и пошёл в прихожую.

Шарф висел на крючке. Красный, шерстяной, с одной распущенной петлёй. Михаил взял его, поднёс к лицу и вдохнул. Запах был слабым, как след на стекле. Но он был.

— Привет, — сказал он тихо.

В квартире никто не ответил. Он повесил шарф обратно.

На кухне он поставил турку на плиту, достал из шкафа банку с кофе, насыпал две ложки с горкой. Пока кофе поднимался, он смотрел в окно. Во дворе кто-то выгуливал собаку. Собака тыкалась носом в мокрые листья и не хотела идти домой. Хозяин тянул поводок и говорил: «Ну, пошли, ну». Собака садилась. Хозяин вздыхал.

Михаил налил кофе в чашку, но пить не стал. Он стоял у окна и держал чашку в руках, пока она не остыла.

Так было каждое утро. Он варил кофе, держал чашку, пока она не остывала, и выливал. Иногда ему казалось, что это глупо. Иногда — что это единственное, что он делает правильно.

На столе лежало письмо из банка. Михаил знал, что внутри, поэтому не открывал. Он убрал его в ящик, к таким же письмам. Ящик уже не закрывался.

Кредит он взял в сентябре, через месяц после похорон. Банк прислал карту, потом письмо, потом ещё одно. Михаил платил вовремя. Это было единственное, что он делал вовремя.

Тогда, в августе, он не думал о деньгах. Он вообще ничего не думал. Он помнил больницу, коридор с зелёными стенами, врача, который говорил быстро и тихо. Он помнил, как подписывал бумаги. Он не помнил, что именно подписывал. Потом были похороны. Потом был сентябрь. В сентябре пришли счета, и он понял, что нужно платить. Он взял кредит. Ему казалось, что это честно: она умерла, а он должен. Он не знал, кому и за что. Но должен.

На холодильнике висела открытка — репродукция какой-то картины с яблоками. На обороте было написано: «Купи хлеб. И не хандри. Л.». Михаил не переворачивал её. Он и так знал, что там написано.

В спальне всё было так, как он оставил. Его сторона была смята, её — ровная. В углу стояла коробка с её вещами. Он начал разбирать её через месяц после похорон, но остановился на первом же свитере. Свитер до сих пор лежал сверху, серый, с растянутыми локтями. Михаил не помнил, когда она его носила. Помнил только, что он ей шёл.

Он оделся, не включая верхний свет. Взял ключи, телефон, куртку. Свою куртку, не её. Свой шарф, не её. На её шарф он старался не дышать.

На улице пахло мокрым асфальтом и чужим табаком. Было холодно, но без дождя. Под ногами хрустели листья, перемешанные с песком. У метро женщина продавала хризантемы, завёрнутые в газету. Михаил прошёл мимо. Он всегда проходил мимо.

В метро было тепло и тесно. Пахло мокрыми куртками и мандаринами. Михаил стоял у двери и смотрел на своё отражение в тёмном стекле. Отражение выглядело уставшим, но нормальным. Это было важно — выглядеть нормальным.

Он вышел на своей станции, поднялся по лестнице и пошёл к офису. Офис был в старом доме, на третьем этаже, с высокими окнами и скрипучим паркетом. В коридоре пахло принтером и растворимым кофе.

Антон Лебедев жевал бутерброд и что-то рассказывал про футбол. Он всегда рассказывал про футбол, даже если никто не слушал. Михаил сел за свой стол, включил компьютер и стал ждать, когда тот загрузится. На экране появилась папка с чертежами, потом почта, потом снова чертежи.

— Ты слышал, на углу открылась кофейня? — сказал Антон, не переставая жевать. — Ну, где раньше была аптека.

— Нет.

— Говорят, там нормальный кофе. Не то что в нашем автомате.

— Может быть.

— Ты вообще где кофе пьёшь?

— Дома.

— Дома — это не кофе. Это ритуал.

Михаил ничего не ответил. Он открыл чертёж, который вчера не успел доделать, и посмотрел на линии. Линии были ровные, но в одном месте не сходились на два миллиметра. Он увеличил масштаб и стал править.

Антон доел бутерброд, вытер руки салфеткой и сказал:

— Пойдём после работы? Есть новое место, пиво нормальное.

— Не сегодня.

— Ты всегда не сегодня.

— В следующий раз.

— Ты всегда говоришь «в следующий раз».

Михаил посмотрел на него и улыбнулся — коротко, вежливо, как улыбаются человеку, которого не хотят обидеть. Антон вздохнул и вернулся к своему компьютеру.

В половине двенадцатого Геннадий Петрович вызвал Михаила к себе. У Геннадия Петровича был кабинет с окном, фикусом и запахом старого ковра. Он ткнул пальцем в распечатку и сказал:

— Вот здесь размер не тот. Переделай.

— Хорошо.

— И ещё. Заказчик просил добавить балкон. Сможешь?

— Смогу.

— Вот видишь, — сказал Геннадий Петрович, — можешь же.

Михаил не понял, что именно он «может», но кивнул и вышел. В коридоре пахло хлоркой. Кто-то мыл пол. Михаил вернулся за стол и стал переделывать размер. Потом добавил балкон. Балкон получился маленький, неудобный, но заказчик просил.

После обеда Антон ушёл на встречу, и в офисе стало тише. Михаил слышал, как гудит принтер, как кто-то в соседнем кабинете разговаривает по телефону, как капает вода из крана в кухне. Он посмотрел на часы. До конца дня оставалось три часа.

Он доделал чертёж, сохранил, закрыл. Потом открыл почту, прочитал два письма, не ответил. Потом снова посмотрел на часы. Два часа.

В шесть он вышел из офиса. На улице уже стемнело. Он мог пойти к метро, но пошёл прямо. Сначала он не понимал, куда идёт. Потом понял.

Кофейня была на углу, между аптекой и парикмахерской. Раньше он проходил мимо и не замечал. Теперь заметил. В окнах горел тёплый свет, на стекле были нарисованы белые снежинки — рано, но так бывает. Из приоткрытой двери пахло кофе и выпечкой.

Он не был здесь полтора года. Он помнил, как в последний раз сидел у окна с Лизой. Она ела круассан и говорила, что если бы у неё была своя кофейня, она бы назвала её «Утро». Он сказал, что это слишком просто. Она сказала, что простое — это хорошо. Потом они пошли домой, и она держала его за руку.

Он помнил её руки. Маленькие, с коротко остриженными ногтями. Она всегда жестикулировала, когда говорила. Один раз опрокинула чашку, и кофе залил его чертёж. Он рассердился — по-настоящему, на минуту, — а она засмеялась. Он не мог долго на неё сердиться. Она знала это и пользовалась.

Михаил стоял на тротуаре, сунув руки в карманы. Мимо прошли две девушки, одна из них засмеялась. Он смотрел на дверь. Потом открыл её.

Внутри было тепло. Пахло корицей, кофе и мокрой шерстью. За соседним столиком сидел мужчина с ноутбуком и женщина с книгой. Никто не смотрел на Михаила. За стойкой стояла женщина лет пятидесяти, в сером фартуке, с волосами, собранными в пучок. Она подняла голову. Её лицо изменилось — сначала удивление, потом что-то похожее на осторожную радость.

— Вам как обычно?

Михаил замер.

— Простите?

— Ваш обычный заказ. Латте?

Он не сразу нашёл голос.

— Да. Латте, пожалуйста.

— С собой или здесь?

— Здесь.

— Давно вас не было.

— Да. Давно.

Она не спросила, где он был. Она вообще ничего не спросила. Она просто взяла чашку и включила кофемашину.

Михаил заплатил, взял латте и сел за столик у окна. Тот самый. Он не выбирал его специально — просто сел. Чашка была тёплой. Он обхватил её ладонями, потом отодвинул сахарницу на край стола — как всегда делала Лиза, — и только тогда понял, что делает. Сахарница осталась стоять на краю.

Лиза всегда садилась напротив. Ставила локти на стол, хотя он говорил, что это неприлично. Отламывала от круассана маленькие кусочки и ела их, а не весь круассан. Говорила, что так вкуснее. Потом смотрела на него и говорила:

— У тебя лицо, как у налогового инспектора. Улыбнись.

Он улыбался. Она кивала:

— Вот. Уже живой.

Сейчас он не улыбался. Он сидел напротив пустого стула и держал чашку, которая постепенно остывала. За окном шёл кто-то в жёлтой куртке. Кофемашина шипела. Ольга Павловна протирала стойку. Михаил сделал глоток. Кофе был такой же, как тогда.

Он поставил чашку и посмотрел на дверь. В отражении окна он увидел, как дверь открылась. В кофейню вошёл мужчина в мокрой куртке.

Глава 2. Свободное место

Мужчина в мокрой куртке остановился у его столика. С него капало. На плечах темнели пятна. Он был высокий, чуть выше Михаила, с короткими тёмными волосами и лицом человека, который давно не спал, но не жалуется.

— Извините, тут не занято? — спросил он. — Можно рядом?

Михаил посмотрел на пустой стул напротив. На секунду ему показалось, что стул не такой уж пустой. Но это была глупость.

— Да, конечно.

Мужчина повесил куртку на спинку стула, сел и вытер лицо ладонью. У него были длинные пальцы и обкусанный ноготь на большом пальце. Он посмотрел на чашку Михаила.

— Латте?

— Да.

— Хорошо. А то я думал, вы пьёте что-то серьёзное.

— Это несерьёзно?

— Латте — это молоко с кофе. Кофе — это эспрессо. Всё остальное — десерт.

— Понятно.

— Вы не согласны.

— Я не думал об этом.

— Вот и зря. О кофе надо думать.

Он говорил легко, без нажима. Михаилу стало немного проще.

— Я Марк, — сказал мужчина. — А вы?

— Михаил.

— Михаил. Хорошее имя. У меня был дед Михаил. Он говорил, что мужчина должен уметь делать три вещи: чинить розетку, варить суп и молчать, когда женщина говорит.

Михаил хмыкнул.

— А вы умеете?

— Розетку — нет. Суп — кое-как. Молчать — с переменным успехом.

— Значит, два из трёх.

— Один с половиной. Суп у меня получается только из пакета.

— Вы только что придумали деда, — сказал Михаил.

Марк помолчал. Потом кивнул.

— Почти. Дед был. Но про суп и молчание я добавил. Для эффекта.

— Зачем?

— Не знаю. Наверное, чтобы казаться интереснее.

— Помогло?

— Пока не знаю. Вы ещё здесь.

Михаил улыбнулся. Он не хотел улыбаться, но улыбнулся.

— Я возьму эспрессо, — сказал Марк. — А то у вас тут латте, наверное, как молочный коктейль.

— Нормальный латте.

— Нормальный — это когда кофе меньше, чем молока? Тогда это не кофе, а десерт.

— Вы уже говорили.

— Я повторяю, когда прав.

Михаил не стал спорить. Он допил свой латте и встал.

— Вам взять? — спросил он.

— Если не сложно. Двойной, без сахара.

Михаил подошёл к стойке. Ольга Павловна смотрела на него с тем же осторожным выражением.

— Двойной эспрессо, — сказал он.

— Для друга? — спросила она и посмотрела не на него, а на столик у окна.

Михаил обернулся. Марк сидел за столиком и листал что-то в телефоне.

— Да, — сказал он. — Для друга.

Она кивнула. Что-то в её лице изменилось — не жалость, скорее осторожность. Она включила кофемашину. Через минуту на стойке стояла маленькая чашка.

— Держите.

Михаил отнёс чашку. Марк взял её, но пить не стал. Он поставил её на стол и поднял глаза.

— Спасибо. А вы, я смотрю, не из разговорчивых.

— Бывает.

— Это не плохо. Я, наоборот, слишком разговорчивый. Бывшая жена говорила, что я могу разговаривать с кем угодно.

— У вас есть бывшая жена?

— Есть. Она забрала кота и половину мебели.

— Кот был ваш?

— Кот был её. Но я до сих пор считаю его своим. Это, наверное, говорит обо мне больше, чем о коте.

— А вы что забрали?

— Старые фильмы. Она их не любила. Сказала, что они скучные. Я сказал, что она скучная. Ну, не так сказал. Но думал.

Он отпил эспрессо. Михаил смотрел на его руки. На пальце не было кольца.

— А вы чем занимаетесь? — спросил Марк.

— Работаю. Проектирую.

— Дома?

— В конторе.

— Понятно. А я работаю с бумагами. Скучная работа, но не надо никуда бегать.

— Что за бумаги?

— Архив. Городской. Старые дела, письма, документы. Иногда нахожу чужие письма.

— И что вы с ними делаете?

— Читаю. Потом кладу обратно.

— Зачем?

— Не знаю. Мне кажется, если письмо никто не прочитает, оно считается недоставленным.

Он сказал это и поморщился, будто услышал себя со стороны.

— Глупо, да?

— Немного, — сказал Михаил.

— Спасибо. Я старался.

Михаил не знал, шутит Марк или правда смутился. Скорее всего, и то и другое.

Он говорил о себе неохотно, как будто выдавал по одной карте. Михаилу это нравилось. С Марком не надо было изображать нормального. Он сам был немного странным.

— Вы здесь часто? — спросил Марк.

— Раньше.

— А теперь?

— Теперь нет.

Марк не спросил почему. Он кивнул, как будто ответ его устроил.

— Я тут тоже раньше. Потом перестал. А сегодня зашёл, потому что дождь. Не люблю дождь.

— Я тоже.

— Все не любят. Но не все признаются.

Он снова отпил. Михаил уже не следил за его чашкой. Он смотрел на улицу. Дождь усилился. По стеклу текли полосы.

— Вы любите старые фильмы? — спросил Марк.

— Не знаю. Не смотрел.

— Как это? Совсем?

— Совсем.

— Тогда вы много потеряли. Есть фильмы, после которых хочется молчать. Не потому что плохие. Потому что хорошие.

— Мне и так хочется молчать.

Марк посмотрел на него внимательно, но без жалости.

— Это не то же самое, — сказал он.

Михаил не ответил.

— Я не буду вас заставлять, — сказал Марк. — Но если захотите, я могу принести один. У меня есть «Двенадцать разгневанных мужчин». Старый, чёрно-белый. Про двенадцать человек, которые сидят в комнате и спорят. Звучит скучно, но это не скучно. Я про него могу говорить дольше, чем он идёт. Скажите, если начну.

— Уже начали.

— Да. Извините.

— Почему вы решили, что мне будет интересно?

— Не решил. Просто предложил.

Михаил не сразу ответил. Впервые за долгое время кто-то предлагал ему что-то, не требуя ответа.

— Ладно, — сказал он. — Приносите.

— В субботу?

— В субботу.

— Хорошо.

Они просидели ещё полчаса. Говорили о ерунде: о том, что в метро теперь объявляют остановки слишком громко, о том, что в этом районе снесли старую булочную, о том, что Марк не понимает людей, которые пьют кофе с сиропом. Михаил поймал себя на том, что улыбается. Не через силу, а по-настоящему. Он не помнил, когда в последний раз так было.

— Ладно, — сказал Марк, вставая. — Мне пора. Спасибо за компанию.

— Спасибо за эспрессо.

— За эспрессо спасибо вам. Я его не допил, кстати. Он был ужасный.

Михаил посмотрел на чашку. Она была почти полной. Он не заметил, как Марк её пил. Или не пил.

— Приходите в субботу, — сказал Марк. — Я тут обычно. Если не будет дождя.

— А если будет?

— Тогда я тоже буду.

Он надел куртку, кивнул и вышел. Дверь звякнула. Михаил остался сидеть. На столе стояли две чашки: его пустая и почти полная чашка Марка. Он взял свою, потом посмотрел на вторую. Отнёс обе к стойке.

— Всё? — спросила Ольга Павловна.

— Всё.

Она забрала чашки. Про вторую не спросила. Михаил вышел на улицу. Дождь почти кончился. Он шёл домой и чувствовал что-то, чего давно не чувствовал. Не радость. Что-то тише. Как будто в доме, где давно выключили свет, кто-то включил лампу в соседней комнате.

Дома он сел на кровать и минуту сидел, не снимая куртки. Потом посмотрел на шарф в прихожей. Ему показалось, что он пахнет слабее. Или это он просто привык.

Он встал, повесил куртку и пошёл на кухню. На холодильнике висела открытка. Он перевернул её и прочитал: «Купи хлеб. И не хандри. Л.».

— Куплю, — сказал он вслух.

В квартире было тихо. Никто не ответил.

Он постоял на кухне, потом достал из ящика письмо из банка. Открыл. Посмотрел на цифры. Закрыл. Положил обратно. Потом налил себе воды, выпил и пошёл спать.

В ту ночь ему не снилось ничего. Утром он проснулся с мыслью, что в субботу у него есть дело. Это было странно. И приятно.

Глава 3. Ещё один кофе

В субботу Михаил пришёл в кофейню к четырём. Он не признался бы даже себе, что шёл туда специально. Просто гулял. Просто оказался рядом. Просто зашёл.

Марк сидел за тем же столиком у окна. Перед ним стояла чашка эспрессо и бумажный пакет.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он.

— Правда?

— Нет. Но надеялся. Садитесь.

Михаил сел. Снял куртку, повесил на спинку стула. За окном было серо, но без дождя. На улице люди шли быстрее, чем в будни, — так бывает в субботу, когда все куда-то опаздывают, хотя никуда не надо.

— Я принёс вам фильм, — сказал Марк и подтолкнул пакет. — «Двенадцать разгневанных мужчин». Не смотрели?

— Нет.

— Тогда берите. Я уже рассказывал, про что он. Но всё равно: это интереснее, чем звучит.

Михаил взял пакет. Внутри был старый диск в потёртом картонном конверте.

— А у вас есть плеер?

— Есть. Я старомодный.

— Это заметно.

— Спасибо. Или нет.

Михаил встал и подошёл к стойке. Он заказал латте и ещё один эспрессо. Ольга Павловна кивнула и включила кофемашину. Он отнёс чашки к столику.

— Вы каждый день работаете? — спросил Михаил, садясь.

— Пять дней в неделю. Иногда шесть. В архиве много пыли и мало событий.

— Что за архив?

— Городской. Документы, старые дела, письма. Иногда попадаются письма людей, которых давно нет. Я их читаю. Потом кладу обратно.

— Зачем читаете?

— Не знаю. Мне кажется, если письмо никто не прочитает, оно считается недоставленным.

Михаил отставил чашку.

— Вы странный.

— Я знаю. Но я не один такой. В архиве работают ещё три человека. Они тоже странные. Один коллекционирует старые трамвайные билеты. Другая разговаривает с папками. Я — самый нормальный.

— Это успокаивает.

— Я стараюсь.

Михаил отпил латте. Марк не пил свой эспрессо. Чашка стояла перед ним, полная.

— А вы, — сказал Марк, — что проектируете?

— Всякое. Жилые дома, магазины. Сейчас делаю балкон для заказчика, который хочет балкон, но не хочет, чтобы он был виден с улицы.

— Это как?

— Я тоже не понял. Сделал маленький. Заказчик сказал, что подумает.

Марк засмеялся. Не громко, без нажима. Михаил почувствовал, что тоже улыбается.

— Вам нравится? — спросил Марк.

— Что?

— Работа.

Михаил подумал.

— Не знаю. Привык.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Ладно, — сказал Марк. — Извините. Я иногда задаю вопросы, на которые сам не люблю отвечать.

— Тогда зачем?

— Не знаю. Привычка.

— А вы?

— Что я?

— Вам нравится ваша работа?

Марк подумал.

— Нет. Но она меня не мучает. Это больше, чем у многих.

— Странный критерий.

— Зато честный.

Они просидели до шести. Говорили о фильме, о старых домах, о том, что в городе сносят слишком много, а строят слишком быстро. Марк сказал, что больше всего любит старые лестницы: «В них есть следы ног. Не знаю, чьих. Но следы».

Михаил не понял, но запомнил.

— Вы когда-нибудь были женаты? — спросил он.

Марк пожал плечами.

— Был. Я говорил.

— Извините.

— Ничего. Я сам спросил про вашу работу. Теперь вы спросили про мою жизнь. Квиты.

Он помолчал.

— Это было давно. Она хорошая. Просто мы не подошли.

— Почему?

— Я слишком много молчу. Она слишком много говорила. Мы думали, что это сработает. Не сработало. — Он пожал плечами. — Или я придумал себе объяснение. Так проще.

— А сейчас вы один?

— Один. Но не совсем. У меня есть друзья. Пара. И архив.

— Архив — это не друг.

— Вы не были в архиве.

Михаил улыбнулся. Марк повертел чашку.

— А вы? — спросил он.

— Что?

— Вы один?

Михаил не ответил сразу. Он думал о Лизе. О том, как она сидела напротив. О том, как она говорила: «Ты слишком серьёзный».

— Да, — сказал он. — Один.

— Давно?

— Полтора года.

Марк кивнул. Он не спросил, что случилось. Он просто посмотрел на него и сказал:

— Понятно.

И это было лучше, чем любые слова.

Вечером Михаил пришёл домой, включил ноутбук, вставил диск. Фильм был чёрно-белый. Двенадцать мужчин сидели в комнате и спорили о чужой жизни. Михаил думал, что ему станет скучно. Но через двадцать минут он забыл, что смотрит фильм. Он смотрел на лица.

На то, как один человек меняет мнение, потом другой, потом третий. Как сомнение передаётся от одного к другому, как простуда.

Он подумал о Лизе. Она любила старые фильмы. Она один раз предложила посмотреть что-то чёрно-белое, а он сказал, что устал. Она не стала настаивать. Она просто сказала: «Ладно, в другой раз». Другого раза не было.

Когда фильм закончился, в квартире было темно. Он не заметил, как стемнело. Он сидел на диване с пустой чашкой в руках и смотрел на экран.

Потом он написал Марку: «Посмотрел. Это очень хороший фильм».

Ответ пришёл сразу: «Я же говорил. А кто вам больше всех понравился?»

Михаил подумал и написал: «Тот, который сомневался».

«Почему?»

«Потому что он был один против всех. И всё равно говорил».

Михаил смотрел, как в чате появляется и исчезает «Марк печатает…». Потом сообщение пришло.

«Хороший ответ. Спокойной ночи, Михаил».

«Спокойной ночи».

Михаил положил телефон на стол. Он посмотрел на шарф в прихожей и впервые за долгое время не почувствовал, что должен извиниться перед ним за то, что ещё жив.

Он встал, вымыл чашку и пошёл в спальню. На тумбочке лежала фотография Лизы. Снимок из фотоавтомата в торговом центре: она смеётся и показывает язык. Он не помнил, когда её туда поставил. Он посмотрел на неё.

— Я посмотрел фильм, — сказал он. — Тебе бы понравилось.

Лиза с фотографии улыбалась.

Он лёг в кровать, на свою сторону. Подушка на её стороне была ровной. Он закрыл глаза. Впервые за долгое время ему не хотелось, чтобы утро наступило быстрее.

Глава 4. Обычный день

В понедельник Антон Лебедев пришёл на работу раньше всех и уже ел свой бутерброд. Он всегда ел бутерброды. Михаил подозревал, что Антон ест их даже во сне.

— Ты в субботу где был? — спросил Антон, когда Михаил сел за стол.

— В кофейне.

— Один?

— Нет.

— С кем?

— С другом.

Антон перестал жевать.

— У тебя есть друг?

— Оказалось.

— Ты познакомился с кем-то?

— В кофейне. Он попросил разрешения сесть за столик.

— И вы разговорились?

— Как-то так.

Антон посмотрел на него так, будто Михаил сказал, что научился летать.

— Это же отлично, — сказал он. — Я серьёзно. Ты последние полтора года как… — Он запнулся и откусил бутерброд. — Ну, как будто тебя нет.

Он жевал слишком старательно, будто это могло исправить сказанное.

Михаил ничего не ответил. Он открыл чертёж. Линии были ровные. Он знал, что делать.

— Я не в обиду, — сказал Антон. — Просто ты стал какой-то… тихий.

— Я всегда тихий.

— Нет. Раньше ты был тихий, но живой. А потом стал тихий и не очень.

Михаил посмотрел на него. Антон был добрый. Он говорил глупости, но не со зла. Он был из тех людей, которые не понимают, что делают больно, потому что сами никогда не теряли никого.

— Ладно, — сказал Михаил. — В пятницу, может быть, пиво.

Антон замер.

— Ты сказал «может быть»?

— Не дави.

— Я не давлю. Я просто запомню этот день. День, когда Михаил Серов сказал «может быть» про пиво.

Он засмеялся и вернулся к своему бутерброду. Михаил улыбнулся, хотя ему не хотелось.

В половине двенадцатого Геннадий Петрович вызвал его к себе. Он был в хорошем настроении, что случалось редко.

— Заказчик принял балкон, — сказал он. — Сказал, что маленький, но милый.

— Хорошо.

— Ты молодец. Я тебе ещё один объект дам. Магазин на окраине. Ничего сложного.

— Что за магазин?

— Обувной. Или что-то такое. Они хотят витрину переделать. Или не витрину. Я не вникал. Главное — сроки.

Михаил кивнул. Он не придал этому значения.

— Только не затягивай, — сказал Геннадий Петрович. — У нас сроки.

Михаил вернулся на место и открыл почту. В почте было письмо из банка. Он не стал открывать. Он знал сумму. Он знал дату. Он знал, что после зарплаты останется ровно столько, чтобы дожить до следующей.

В час Антон позвал его обедать. Михаил сказал, что у него чертёж. Антон сказал, что чертёж не убежит. Михаил пошёл.

Столовая была в подвале соседнего дома. Пахло капустой и мокрыми куртками. Они сели у окна, за которым был виден только край тротуара и чьи-то ноги. Антон взял борщ и котлету. Михаил — чай и бутерброд.

— Ты ешь, как бедный студент, — сказал Антон.

— Я и есть бедный студент. Только старый.

— Старый — это когда перестаёшь понимать новые мемы. Я уже перестал.

Михаил усмехнулся.

— Как твоя кофейня? — спросил Антон. — Ну, с другом.

— Нормально.

— Вы часто видитесь?

— Раз в неделю. Иногда чаще.

— Это хорошо. — Антон помешал борщ. — Я серьёзно. Ты последнее время… — Он повёл ложкой, будто искал слово. — Ну, ты понял.

— Знаю.

— Я не хочу лезть.

— Ты и не лезешь.

— Лезу. Немного. — Он откусил котлету. — Просто я думал, что ты никогда… — Он пожал плечами. — Не важно.

Михаил посмотрел на него. Антон был не из тех, кто говорит о чувствах. Он говорил о футболе, пиве и новой кофейне. То, что он пытался сказать, стоило ему усилий.

— Спасибо, — сказал Михаил.

— За что?

— За то, что заметил.

Антон кивнул и вернулся к борщу. Они просидели ещё двадцать минут. Антон рассказывал про девушку из бухгалтерии, с которой познакомился в лифте. Михаил слушал и думал, что впервые за долгое время ему не хочется уйти с обеда.

В три часа Антон ушёл на встречу. Михаил работал до шести. Потом пошёл домой. В метро было тепло и тесно. Он стоял у двери и смотрел на своё отражение. Отражение выглядело нормальным.

Вечером позвонила мать. Она звонила каждые два дня, иногда каждый день. Михаил никогда не знал, что ей говорить.

— Ты как? — спросила она.

— Нормально.

— Ты ел?

— Ел.

— Что ел?

— Суп.

— Ты не любишь суп.

— Теперь люблю.

В трубке зашуршало. Она что-то перекладывала на кухне.

— Ты был на кладбище?

Михаил посмотрел на окно. На улице шёл снег с дождём. Первый в этом году.

— Был.

Он не был. Он не мог. Он знал, что если придёт туда, то не сможет уйти. Или сможет, но тогда всё, что он строил эти полтора года, рухнет.

— Хорошо, — сказала мать. — Я приеду на Новый год.

— Хорошо.

— Ты не против?

— Нет.

— Михаил.

— Да?

— Ты не должен…

Он ждал.

— Не должен что?

— Не должен думать, что я тебя виню.

— Я знаю.

— Ты не знаешь. Ты никогда не знаешь.

Она положила трубку. Михаил постоял с телефоном в руке, потом отложил его. На кухне было темно. На холодильнике висела открытка. Он не стал её переворачивать.

Он вспомнил похороны. Август, жара. В церкви было душно. Мать стояла рядом и держала его за руку. Она не плакала. Она смотрела на гроб и что-то шептала. Михаил не слышал что. Потом они вышли на улицу, и солнце ударило в глаза. Он подумал: «Какое странное солнце». Потом подумал: «Почему солнце?» Потом подумал: «Она бы сказала, что я слишком серьёзный». И впервые за несколько дней заплакал.

Он открыл банковское приложение. На счету было на тысячу больше, чем вчера. Зарплата. Он перевёл деньги за кредит. Осталось мало. Он закрыл приложение и пошёл спать.

В спальне он посмотрел на коробку с вещами Лизы. Свитер лежал сверху. Михаил стоял в темноте и думал, что если бы он тогда ответил на звонок, то, может быть, всё было бы иначе. Потом он лёг на свою сторону кровати и закрыл глаза.

Ему приснилась кофейня. В ней было тепло. За столиком у окна сидел человек в мокрой куртке и пил эспрессо. Михаил подошёл и сел напротив. Человек улыбнулся.

— Вам как обычно? — спросил он.

Михаил проснулся в темноте. Он лежал и слушал, как идёт снег. Снег шёл беззвучно.

Глава 5. То, что осталось

В воскресенье Михаил решил разобрать коробку.

Он говорил себе это каждые выходные. Коробка стояла в углу спальни, закрытая, с двумя слоями скотча. Внутри лежали вещи Лизы: свитер, книга, несколько открыток, маленькая шкатулка и фотография, которую он не мог ни повесить, ни выбросить.

Он сел на пол, подтянул коробку к себе и срезал скотч ножом. Клейкая лента поддалась с сухим треском. В квартире запахло пылью и чем-то ещё — слабым, знакомым.

Свитер был сверху. Серый, с растянутыми локтями. Лиза носила его дома, когда ей было холодно. Михаил взял его и поднёс к лицу. Запах почти исчез. Остался только запах ткани и шкафа. Но на секунду ему показалось, что он слышит её духи — корица и что-то ещё, то ли ваниль, то ли старая бумага.

Он положил свитер на колени.

Под свитером лежала книга. «Мастер и Маргарита», с загнутыми уголками. На полях были её пометки, тонким карандашом. «Слишком», — написала она рядом с одним абзацем. «Вот это я понимаю», — рядом с другим. Михаил улыбнулся. Она всегда спорила с книгами. Он говорил, что она читает не текст, а автора, и мысленно с ним ругается. Она говорила, что это единственный способ читать.

Он перелистал страницы. Между ними лежала открытка. Не та, что на холодильнике. Другая. Он перевернул её.

«Миша. Ты слишком серьёзный. Я тебя исправлю. Начнём с того, что ты перестанешь хмуриться, когда я говорю, что мы поедем к моим родителям. Это не катастрофа. Это просто ужин. Л.»

Он вспомнил тот день. Они собирались к её родителям, а он застрял на работе. Она ждала его у метро сорок минут. Когда он пришёл, она не кричала. Она просто смотрела на него и поправляла волосы — так она делала, когда нервничала. Потом сказала: «Ты знаешь, что самое обидное? Я не удивляюсь».

Он тогда ничего не ответил. Он не умел отвечать на такие вещи. Он думал, что если промолчит, то всё пройдёт. Оно не проходило.

Под книгой лежала шкатулка. Маленькая, деревянная, с трещиной на крышке. Внутри был кулон — дешёвый, с зелёным камешком. Михаил купил его на первом курсе, когда у них только началось. Лиза сказала, что камень похож на её глаза. Он сказал, что её глаза серые. Она сказала: «Вот именно». Он не понял, но кулон она носила.

Там же лежал билет в кино. Два билета, на один сеанс. Он не помнил, на какой фильм. На обороте её почерком было написано: «Ты спал. Я смотрела. Всё равно хорошо».

Он усмехнулся. Он всегда засыпал в кино. Она всегда оставалась до конца.

На дне коробки лежала фотография. Они в кофейне. Лиза смеётся и показывает язык. Михаил рядом, с чашкой в руке, смотрит в сторону, как будто его поймали. На обороте её почерком: «Не смотри в сторону. Я всё равно тебя вижу».

Михаил держал фотографию и чувствовал, как в груди что-то сжимается. Он не плакал. Он давно не плакал. Но ему хотелось.

Они познакомились в апреле 2021-го. Кофейня на углу. Михаил сидел у окна с латте. Лиза остановилась рядом и спросила: «Тут не занято?» Он поднял голову. Она улыбалась. Он сказал: «Свободно». Она села напротив, поставила сумку на пол. Из сумки торчали открытки. Она сказала: «Вы пьёте латте? Это несерьёзно». Он сказал, что не думал об этом. Она засмеялась. Они проговорили два часа. Она сказала, что работает в книжном на Литейном. Он пришёл через неделю. Долго выбирал открытку и взял собаку в шляпе. Она посмотрела и сказала:

«Все берут с котами. Вы взяли собаку». Он сказал: «Собака смешнее». Она сказала: «Спорно». Потом он пришёл ещё раз. Потом ещё.

Первый поцелуй был на улице, под дождём. Она сказала: «Ты дрожишь». Он сказал: «Холодно». Она сказала: «Врёшь». Он не врал. Но, может быть, и врал.

В 2023-м она переехала к нему. У неё было две сумки и коробка с книгами. Он сказал, что у него мало места. Она сказала: «Я помещусь». Она поместилась.

Последний день он помнил обрывками. Август. Жара. Они поссорились из-за его работы. Он не помнил, из-за чего именно, — кажется, из-за того, что он опять остался в офисе. Она ушла. Потом написала: «Давай поговорим. Я приеду». Потом позвонила. Он не ответил. Он был на встрече, телефон лежал в кармане, он видел её имя на экране и подумал: «Перезвоню потом». Потом был вечер, потом больница, потом всё остальное.

Он не знал, что она хотела сказать. Он никогда не узнает. Это было хуже всего. Не смерть. То, что он не успел.

Он положил фотографию обратно в коробку, потом достал и поставил на тумбочку. Потом снова убрал. Потом снова достал.

В конце он оставил её на тумбочке, рядом с кроватью. Свитер положил обратно. Книгу тоже. Шкатулку закрыл. Заклеил коробку новым скотчем и поставил в угол.

Он не мог остаться в квартире. Надел куртку, вышел и пошёл без цели. Улицы были мокрые, снег таял под ногами. Он прошёл мимо кофейни, мимо булочной, мимо аптеки. Потом свернул на Литейный и остановился.

Книжный магазин был на другой стороне. В витрине горел свет. За стеклом лежали новые книги и открытки, разложенные по цветам. Он не был здесь с августа. Он вообще не думал, что когда-нибудь вернётся.

Внутри за прилавком стоял мужчина лет тридцати, в очках и вязаном жилете. Он раскладывал открытки. Михаил узнал его. Дмитрий. Лиза говорила о нём: «Мой напарник. Он странный, но добрый».

Михаил не помнил, как оказался внутри. Колокольчик над дверью звякнул. Дмитрий поднял голову.

— Михаил? — сказал он. — Михаил Серов?

— Да.

Дмитрий посмотрел на него так, как смотрят на человека, которого давно ждали и не знали, что сказать.

— Я… — Он положил открытки, потом снова взял одну и стал вертеть в пальцах. — Я не был на похоронах. Узнал позже. Я был у родителей, в области. Мне сказали, когда я вернулся. Прости.

— Ничего.

— Я хотел позвонить. Но у меня не было номера. Лиза не давала. Она говорила, что ты не любишь, когда звонят. — Он помолчал. — Я, наверное, зря это говорю.

— Нормально.

— Нет, не нормально. Я всегда говорю не то, когда нервничаю.

Михаил ничего не ответил. Он смотрел на прилавок. На нём лежали открытки с собаками, котами, зимними домами. Одна была с собакой в шляпе.

— Это её, — сказал он.

Дмитрий проследил за взглядом.

— Да. Она нарисовала целую серию. Собаки в шляпах. Глупо, но хорошо. Она говорила, что ты купил у неё одну, когда вы только начали встречаться.

— Купил.

— Она хранила одну. В ящике. Не продавала.

Дмитрий открыл ящик под прилавком и достал открытку. Ту самую. Собака в клетчатой шляпе, с высунутым языком. На обороте почерком Лизы было написано: «Собака в шляпе. Ты бы тоже носил, если бы я попросила. Л.»

Михаил смотрел на открытку. В горле стало горячо.

— Заберите, — сказал Дмитрий. — Она бы хотела.

— Я не могу.

— Можете. Это не вещь. Это просто… — Он замолчал. — Я не знаю. Я думал, что отдам её вам, если вы придёте. Я не знал, придёте ли.

Михаил взял открытку. Бумага была плотная, чуть пожелтевшая. Он положил её во внутренний карман, к сердцу.

— Она говорила о вас, — сказал Дмитрий. — Часто. Говорила, что вы слишком серьёзный. Но она говорила это так… — Он подыскивал слово. — Как будто это было её любимое в вас.

Михаил отвернулся. Он смотрел на полку с книгами и не видел ни одной.

— Она хотела вас познакомить, — сказал Дмитрий. — С нами. С магазином. Но всё откладывала. Говорила, что вы не любите новые места.

— Она была права.

— Наверное. Она часто была права. Это было её главное качество и главный недостаток.

Михаил усмехнулся. Впервые за день.

— Да.

Он постоял ещё немного. Дмитрий не задавал вопросов. Он просто стоял рядом, как человек, который умеет ждать.

— Спасибо, — сказал Михаил.

— За что?

— За открытку.

— Это она. Не я.

Михаил кивнул и вышел. Колокольчик звякнул. На улице было холодно. Он дошёл до угла и остановился. Достал открытку. Собака в шляпе смотрела на него с бумаги. Он улыбнулся. Потом убрал открытку и пошёл домой.

Дома он повесил открытку на холодильник, рядом с той, что висела там полтора года. Потом налил себе виски и сел в темноте. На холодильнике висели две открытки. На одной было написано: «Купи хлеб. И не хандри. Л.». На другой собака в шляпе показывала язык.

— Я пытаюсь, — сказал он.

Квартира молчала. Он выпил виски и пошёл спать. Коробка стояла в углу, заклеенная. Он не сказал себе, что разберёт её в следующий раз. Он уже знал, что не разберёт.

Глава 6. Человек, который слушает

В среду они пошли гулять. Марк предложил сам: «Есть одна набережная. Там мало людей». Михаил согласился. Он не любил гулять, но с Марком это было не так тяжело.

Они шли вдоль реки. Вода была тёмной, почти чёрной. На другом берегу горели окна. Ветер был холодный, но не злой.

— Я вчера нашёл письмо, — сказал Марк. — В архиве. Мужчина пишет жене из эвакуации. 1953 год. Он пишет, что видел во сне, как она варит варенье, и проснулся голодным. А варенья не было. Он пишет: «Я бы сейчас всё отдал за ложку твоего варенья».

— И что с ним стало?

— Не знаю. Письмо в папке. Больше ничего.

— Может, он вернулся.

— Может. Но письмо лежит в архиве. Значит, она его не получила. Или получила, а потом отдала в архив. Люди отдают в архив то, что не могут выбросить. — Он помолчал. — Я не знаю, зачем я это рассказываю.

— Потому что больше некому?

— Наверное.

Михаил посмотрел на воду.

— У вас есть кто-то? — спросил он.

Марк не сразу ответил.

— Был. Теперь нет.

— Что случилось?

— Она ушла. Не умерла. Просто ушла. Это другое.

— Другое, — согласился Михаил.

— Но не легче.

— Я знаю.

Они прошли ещё немного. На скамейке сидела женщина с собакой. Собака смотрела на реку. Женщина читала что-то в телефоне.

— А вы кого потеряли? — спросил Марк.

Михаил мог не отвечать. Марк бы не обиделся. Он был из тех, кто умеет молчать.

— Девушку, — сказал Михаил. — Лизу.

Марк кивнул.

— Как она умерла?

— Авария.

— Вы были там?

— Нет. Я не ответил на звонок.

Он сказал это и почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Он никому не говорил эти слова. Ни Антону, ни матери. Он говорил: «Авария». Он не говорил: «Я не ответил».

Марк не сказал «соболезную». Он не сказал «это не твоя вина». Он молчал так долго, что Михаил успел пожалеть, что сказал.

— Я не знаю, что тут говорить, — сказал Марк наконец. — Наверное, это не значит, что вы виноваты.

— Я знаю, — сказал Михаил. — Но это не помогает.

— Не помогает, — согласился Марк.

Они пошли дальше. Михаил ждал, что Марк начнёт утешать, давать советы, рассказывать про стадии горя. Он ничего такого не сделал. Он просто шёл рядом.

— Вы сейчас это делаете? — спросил Михаил.

— Что?

— Стоите рядом.

— Стою.

— Я не умею давать советы, — сказал Марк через минуту. — Поэтому не верю в них. Мне кажется, человеку иногда нужно, чтобы кто-то рядом постоял. Не говорил. Просто постоял.

Михаил хмыкнул.

— Вы странный.

— Я знаю. Мне говорили.

— В хорошем смысле.

— А, тогда ладно.

Они дошли до моста. На мосту было ветрено. Марк остановился и посмотрел на город.

— Знаете, что я думаю? — сказал он. — Люди боятся не смерти. Люди боятся, что их забудут. Что после них не останется ничего, кроме папки в архиве.

— И что?

— Не знаю. Просто думаю. — Он посмотрел на воду. — Наверное, поэтому я и читаю чужие письма.

Михаил не ответил. Он думал о Лизе. О том, как она поправляла волосы. Как говорила: «Ты слишком серьёзный». Как смотрела на него, когда думала, что он не видит.

— Я не знаю, как жить дальше, — сказал он.

Марк не сбавил шаг.

— Никто не знает.

— Вы знаете.

— Нет. Я просто делаю вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.